

УДК 811.161.1'42:769.82
ББК Ш141.12-51+Щ156.5

Е.А. Кузнецова
Екатеринбург

Лубок как культурный текст

Аннотация: В данной статье автором рассматривается один из интереснейших культурных феноменов XIX века – лубочная картинка. Дается общая характеристика лубка как текста городского культурного пространства. Приводится типология лубочных текстов на второй половины XIX века на бытовую тематику, выявляется специфика лубка как «многоязычного», поликодового и, в первую очередь, креолизованного текста.

Ключевые слова: лубок, культурный текст, креолизованный текст, типология.

Сведения об авторе:

Кузнецова Екатерина Александровна, студент 3 курса Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; yejichka@mail.ru.

E.A. Kuznetsova
Yekaterinburg

Lubok as a cultural text

Abstract: In this article the author examines a lubok – one of the most interesting cultural phenomena of the 19th century. A general description of a lubok as the urban cultural space text is given. An author gives a typology of lubok texts the second half of the 19th century, reveals the specifics of lubok as a creolized text.

Key words: lubok, cultural text, creolized text, typology.

About the author:

Kuznetsova Ekaterina Aleksandrovna, Student of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Объектом рассмотрения в данной работе становится один из интереснейших культурных феноменов XIX века – лубочная картинка. С явлениями, близкими лубку, мы встречаемся и в современной культуре – это различные комиксы, красочные календари, плакаты, рекламные, газетные и другие тексты, сочетающие, как правило, визуальный и вербальный ряды. Но многие ли представляют себе лубок XIX века, стоящий у истоков городской массовой культуры?

Прежде всего, стоит пояснить само понятие «лубок» (иначе – «народные картинки», «лубочные картинки», «народная графика» [5, с. 13]). Это вид печатной графики, который представлял собой листы с изображением и подписью под ними. Для кого были предназначены такие картинки? Для «демократических слоев общества», то есть для городских обывателей (представителей мещанства), городского простонародья и крестьян (как живущих в деревне, так и отходников). Именно поэтому листы отличались простотой и доступностью образов, транслируя знакомых всем, или новых – на злобу дня – понятных и расхожих сюжетов (фольклорных – сказочных, песенных; исторических; бытовых). Основным местом изготовления лубочных картинок была Москва (на втором месте – Санкт-Петербург). Здесь листы и продавались: «разносились по улицам, развешивались для обозрения, продавались на толкучках, в лавочках», на ярмарках и торгах [5, с. 15]. Офени-торговцы из столиц развозили листы по деревням и провинциальным городам России. Такие листы, как правило, покупались и прикалывались на стены в домах и избах и долго служили украшением жилища и «окном в мир» для простонародного зрителя-читателя, удовлетворяя познавательные и эстетические потребности человека из народа.

До сих пор к изучению лубков обращались в основном искусствоведы (к числу первых и известных работ о народной картинке можно отнести труды Д.А. Ровинского и И.М. Снегирева), реже – филологи и фольклористы. Первые работы были посвящены истории и тематике лубка, типологии лубочных гравюр по темам и сюжетам, изучению техник печати народной гравюры, рассмотрению её стилистических и художественных особенностей, обзору сведений об издателях лубочных листов. Позже появились ра-

боты, в которых делались попытки более глубокого осмысления и интерпретации лубочной картинки. Исследователи обратились к рассмотрению «функций лубочной картинки в народной культуре, ее роли в формировании народного мировоззрения» [6].

В современных исследованиях, посвященных народным картинкам, ставятся вопросы их многогранности и сложности, особенностей их бытования и распространения, о специфике восприятия лубочных текстов адресатом. Исследователей интересует, какой смысл имели народные картинки для потребителей, почему они были так важны для простонародья, в чем заключалась их культурная специфика. В связи с обозначенными вопросами интерес представляют работы Б.М. Соколова, рассматривающего народную картинку «цельный художественный организм», в котором одинаково значимы «изображение, слово, сюжет, техника, цена, культура продавца и покупателя» [6] (о поликодовости текста лубка речь пойдет ниже). Интересен также подход А.В. Лебедева, который характеризует лубочную эстетику как отражение эстетики «примитива» – специфической разновидности искусства «третьего сословия» (мещанства, городского простонародья), находящегося в промежуточном положении, на границе, между ценностями высокого «ученого» искусства (дворянского) и народного (крестьянского) и пытающегося преодолеть этот разрыв, заполнить культурный «вакуум», синтезируя культурные традиции, находящиеся на разных полюсах [3]. Все эти подходы направлены на более глубокое осмысление места народной картинки в культуре. По словам А.И. Рейтблата, для понимания народной картинки нам необходимо «реконструировать горизонт понимания» читателей, воспринимающих ее, условия восприятия картинки аудиторией, рассматривающей рисунок (ситуация), ее [аудитории] культурные предпосылки, установки. Также для характеристики народной картинки необходимо пояснение механизмов ее создания, распространения и потребления.

Лубок – явление разнообразное и изменяющееся во времени. Само появление жанра народной гравюры относится к 70-80 годам XVIII века, угасание жанра – к концу XIX века. Ранняя народная картинка отличается от поздней техникой печати, отчасти – тематикой, сюжетами (хотя были сюжеты, которые сохранялись

и перепечатывались длительное время), охватом распространения, адресатом, функциями.

Рассматриваемый нами материал ограничен эпохой и содержанием (кругом тем). Это тексты второй половины XIX века на бытовую тематику, изображающие типичные городские ситуации, характеры, сцены. В чем специфика текстов этого периода? Народная графика оставалась «массовым искусством городского посада, которое находило сбыт среди купеческого и ремесленного сословий, равно как и в крестьянской деревенской среде» [5, с. 14], в то же время изготовители лубка стали больше ориентироваться на городское простонародье и крестьянскую среду (то есть лубок максимально спустился в «низы» общества). Именно в это время формируется тип массового простонародного читателя (что связано, в частности с появлением и распространением «малой прессы» и других дешевых изданий), а в круг лубочных сюжетов начинают все больше проникать бытовые сюжеты, отражающие ситуации и характеры, типичные для города и деревни этой эпохи, которые, как правило, были представлены в назидательном, сатирическом (влияние литературы критического реализма) или ироническом ключе. Лубок второй половины XIX века быстро откликается на события современной жизни, наполняется социально-заостренным содержанием.

На какие особенности лубочного текста стоит, на наш взгляд обратить особенно пристальное внимание? С каких «фрагментов» мы будем их рассматривать?

I. Лубок как обобщение, стереотипный образ. Лубочные образы, ситуации, на наш взгляд, представляют собой некоторое обобщение, переведение сиюминутного (отдельной ситуации, сенсации, новости) в план общекультурный, значимый для целого коллектива людей в определенную эпоху. Если бытовой сюжет был воспринят лубком и картинка, изображающая его, неоднократно выпускалась, это свидетельствовало о том, что идея, лежащая в основе сюжета лубка, была близка каждому, значима, отвечала запросам общества. Отметим, что создатели текстов, сочинители были также представители «третьего сословия», то есть являлись также носителями простонародной, мещанской культуры. Народные картинки были широко распространены

среди посадского и крестьянского населения и, с одной стороны, влияли на создание культурных стереотипов в массовом сознании, с другой – отражали фрагмент существующей в народном сознании наивной картины мира. Лубочные тексты в перспективе будут рассматриваться нами как отражение фрагмента концептуальной и языковой картин мира русского горожанина «третьего сословия» второй половины XIX века. Нами была проведена типология лубочных листов бытового содержания второй половины XIX века, выявляющая актуальные для данного времени темы.

Типология лубочных текстов

1. Цикл текстов, связанных с **финансовыми отношениями, материальным благополучием**. Многие сюжеты строятся на оппозиции двух категорий: богатство – бедность. Чаще всего дается следующая ценностная характеристика: богатство – зло, богатые чаще всего люди не честные, зарабатывающие деньги не своим трудом; бедные же, как правило, люди честные, в бедности человеку живется хорошо и спокойно, он может быть счастлив. Яркий пример – картинка с примечательным названием: *«Как бог велел, так и должно жить, не всем же нам богатым быть, или сказка про Фому, как он богатым стал, как от богатства захворал и как щепка исхудал»*. Оппозиция богатство – бедность связана с другим существенным противопоставлением: честный труд – воровство. Вором в таких текстах чаще всего выступает приказчик, наживающийся на своем хозяине. Еще одна важная подтема – банкротство, разорение, неудача в финансовых делах. Она часто перекликается с мотивом финансовой зависимости, кредита, долга. Яркие примеры – картинки *«Вылетел в трубу»*, *«Воздушное путешествие. Вот как в трубу вылетают, кредиторов удивляют»*, представляющие собой буквальную визуализацию фразеологизма, обозначающего «финансовый крах, разорение».

2. Второй по значимости цикл текстов, отражающих представления о **взаимоотношениях мужчины и женщины, семейных отношениях (невесты – жениха, жены – мужа), гендерные стереотипы**. Типичные разыгрываемые в данных текстах сюжеты – выбор невесты (обратный сюжет – *«Жених нарасхват»*); обличение легкомысленного поведения жен – расточительство, измены, капризы (например, текст *«Вот мчится тройка удалая, или вот как Му-*

жья Жен исправляют, от глупостей отучают» – изображаются жены, впряженные в упряжку, которой управляют их мужья).

3. Тексты, отражающие **типичные городские ситуации, повседневные бытовые сцены** (сюжеты перекликаются с новостными, газетными). Например, сцена уличной драки в картинке *«Кулачные бойцы», «Кабак», «Совет мирской сходки в силу чая и водки»* и др. В этот цикл включаются также картинки, изображающие ярмарочные ситуации, транслирующие голоса городской ярмарки, праздника: *«Песня о патоке с имбирем», «В Марьиной роще», «Московский сбитеничик и ходебичик»* и др.

4. Тексты на тему **«Крестьянин (или провинциал) в столице»**. Героями оказываются или промотавший в столице все деньги ярославец (сюжет *«Вот как в Москве ярославцы половые трудятся, с красотками веселятся, а в деревню без гроша босые катают, родителей дивляют»*) или два деревенских паренька Пантюха и Сидорка, ведущие диалог в столичном трактире или на главной московской площади (у памятника Минину и Пожарскому).

5. **Отношения власть имущих и людей из простонародья** (*«Упрек старосты с бурмистром», «Генерал Топтыгин», «Мздоимец-ростовицик»*).

6. Тексты, посвященные теме **старости** (как должно и не должно вести себя в старости – *«Ступени человеческого века», «Как старик богатый взбесился, на молодой Дарье женился»*; стремление старых стать молодыми – *«Перековка старых на молодых»*).

7. Тема **находчивости, смекалистости человека из простонародья** (*«Сказка о том, как портной чертями распорядился, по-свойски с ними дрался», «Господин повар»*).

8. Тема **«технический прогресс»** представлена вариациями картинки *«Железная дорога»*.

9. **Сенсация (газетная сенсационная новость)**. Картинки: *«Замечательнейший из великанов скороходов и уродов. Серно Дидло 20 лет», «Даниил длинный великан»*.

Стоит отметить, что нельзя однозначно отнести каждый лубочный сюжет к какой-либо одной теме. В одном сюжете, как правило, заключено сразу несколько тем, лубочные листы, относящиеся к разным циклам, перекликаются друг с другом. Каждое изо-

Когда зритель первый раз смотрит на гравюру, он обращает внимание, прежде всего, на изображение и название над ним. По обстановке, изображенной на картине, внешности, расположению персонажей, названию картины, зритель без труда восстанавливает в памяти типичную ситуацию, или сценарий (фрейм) зачитывания жениху росписи приданого потенциальной невесты. Такие росписи, как известно, составлялись в канун свадьбы для сведения жениха. До конца XIX века такие росписи были широко распространены во всех социальных слоях России, но, главным образом, в купеческом и мещанском кругу и являлись неотъемлемой частью обряда сватовства. Посмотрев на картину, вспомнив все атрибуты сватовства, «разыграв» мысленно предложенную нам ситуацию, что мы предполагаем увидеть в комментарии под картинкой? Скорее всего – описание счастливого сватовства или список богатого приданого невесты. В тексте мы действительно видим подробно расписанное по пунктам приданое, список довольно большой, это приданое можно назвать богатым. Но содержание текста переводит изображение и саму ситуацию в иронический план, переворачивает ее. В росписи встречаются такие пункты: *«Шелковый салоп меховой, три лисьих овчинки да на сто рублей починки»; «Новомодная мантилия из гнилой материи»; «Комод и зеркало черного дерева лежит в закладе у поверенного», «Кровать об трех ногах полено в головах»* и т. д. Наше впечатление от картинки сразу меняется при прочтении текста (на изображении мы видели богато обставленную гостиную, хорошо одетых персонажей). Характерен для интерпретации изображения и финал текста: *«Если вам, сударь, моя роспись в честь, то извольте посмотреть, и невеста здесь»*. Невеста «показывается» в последнюю очередь, после зачитывания приданого (это мы видим и на изображении – в центре композиции – жених и сваха, зачитывающая приданое, невеста стоит поодаль, возле двери, как бы скрыта от глаз, ждет, когда придет ее черед показаться). При соотношении, комплексном восприятии визуального и вербального рядов лубочной картинке зритель-читатель считывает главную мысль текста: первостепенной оказывается материальная, вещественная сторона брака, взаимоотношения, чувства невесты и жениха отодвига-

ются на второй план. Таким образом, мы можем отнести лубок к текстам с полной креолизацией. Между вербальным и иконическим компонентами устанавливаются синсемантические отношения (взаимозависимость). Кроме того, в представленном нами тексте мы замечаем интересное взаимодействие модальных ключей вербального и иконического компонентов текста, которые контрастируют друг с другом. Положительная оценочность иконического компонента «перекрывается» отрицательной оценочностью вербального, возникающий при этом диссонанс создает комический эффект «обманутого ожидания» [1, с. 33].

Все рассмотренные нами особенности лубочного текста позволяют нам отнести его к **культурному тексту** и осмыслить его в семиотическом аспекте как текст, «соединяющий пространства языка и культуры» [2, с. 15]. Текст в таком понимании не ограничен вербальными рамками, является «не последовательностью написанных или произнесенных слов, а некой последовательностью действий и обращения к предметам, имеющим символический смысл и связанная с ними речевая последовательность». Такой текст, как правило, «многоязычен», включает в себя несколько «сторон языка» (например, вербальную, реальную, акциональную) [7, с. 15-16]. Следующие особенности лубочного текста позволяют нам отнести его к культурному тексту:

- 1) поликодовость;
- 2) ограничение эпохой и средой потребления – купцы, мещане, городское простонародье, крестьяне второй половины XIX века;
- 3) включенность восприятия лубка в определенную типичную ситуацию – ситуацию ярмарки, распродажи лубочных листов на улице, на торгах, посещения трактира, разглядывания лубка и игры с ним в домашней обстановке (настенные листы);
- 4) включенность сюжетики, тематики лубка в типичный и значимый контекст эпохи, определенного сословия позволяет рассматривать лубок как «семиотический способ трансляции культурно значимой информации», источник выявления национально-культурных стереотипов [2, с. 16].

Дальнейшая работа с лубочными текстами может быть связана с детализацией топологии лубочных сюжетов, выделением

значимых для данных текстов концептов, рассмотрением лубка как поликодового текста, анализом взаимоотношения вербального и иконического компонентов лубка, языковых и текстовых особенностей лубочных текстов.

Литература

1. *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М.: АCADEMIA, 2003. – 128 с.

2. *Коновалова Н.И.* Сакральный текст как лингвокультурный феномен / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2007. – 278 с.

3. *Лебедев А.В.* Художественный примитив в контексте культуры русской провинции. Вторая половина XVIII – первая половина XIX века [Электронный ресурс]. – URL: <http://cheloveknauka.com/hudozhestvennyu-primitiv-v-kontekste-kultury-russkoj-provintsii-vtoraya-polovina-xviii-pervaya-polovina-xix-veka> (дата обращения: 30.06.2016).

4. *Лотман Ю.М.* Художественная природа русских народных картинок [Электронный ресурс]. – URL: <http://philologos.narod.ru/lotman/lubok.html> (дата обращения: 30.06.2016)

5. *Лубок.* Bilderbogen. Народная картинка России и Германии XIX – начала XX века. – М.: Художник и КНИГА, 2001. – 120 с.

6. *Рейтблат А.И.* Что нес с базара русский народ (Лубок в исследованиях последних лет) [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/44/84.html> (дата обращения: 30.06.2016)

7. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.

©Кузнецова Е.А., 2016